

УДК 94(47)0725

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И.А. ВТОРОВА О ВОЕННОПЛЕННЫХ 1812-1814 гг.

© 2014 А.И. Попов¹, С.Н. Хомченко²

Попов Андрей Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. *Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара.*

Хомченко Сергей Назарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. *Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.*

Первая публикация: *Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3(2), 2014. С.566-576. Поступила в редакцию 27.10.2014.*

Авторы статьи много лет изучают судьбу военнослужащих Великой армии Наполеона, которые попали в русский плен в 1812 г. и около полутора лет провели во внутренних губерниях России, в частности в г.Самаре. В публикуемых воспоминаниях самарского уездного судьи И.А. Второва, в то время «правлящего должность городничего», довольно подробно освещены как условия содержания военнопленных, так и их взаимоотношения с чиновниками разного уровня и с представителями различных сословий российского общества. Воспоминания снабжены подробными комментариями. *Ключевые слова:* Отечественная война 1812 г., военнопленные наполеоновской армии, мемуары, исполняющий обязанности городничего Самары И.А. Второв.

Всем, кто интересуется историей Самары, безусловно, знакома работа М. Де Пуле «Отец и сын», опубликованная в №№4-7 «Русского вестника» за 1875 год. Обозначив её как опыт культурно-биографической хроники, автор описывает эпизоды из жизни И.А. и Н.И. Второвых. Работая над хроникой, Де Пуле пользовался богатейшим семейным архивом Второвых. Ныне эти многочисленные бумаги хранятся в Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве. Нам удалось ознакомиться здесь с фондом Второвых и определить, что основным источником для Де Пуле стали воспоминания самого Ивана Алексеевича Второва за 1801-1818 гг. Мемуары представляют собой более чем 300-листовую рукопись формата in octavo в твердом переплете, написанную, очевидно, в 1818 г. или вскоре после этого. Отбирая материал, Де Пуле делал на её страницах свои пометки карандашом, перекомпоновывая текст и вычеркивая обширные фрагменты, по каким-то причинам показавшиеся ему не заслуживающими внимания. Таким образом, в публикацию Де Пуле и в позднейшие исследования, сделанные на её основе, попал сокращенный и искаженный текст воспоминаний И.А. Второва, а множество важных деталей выпало из поля зрения массового читателя.

Ниже мы приводим фрагмент подлинного текста воспоминаний Ивана Алексеевича Второва о событиях в Самаре, связанных с нахождением здесь в 1812-1814 гг. военнопленных Великой армии Наполеона, ответственным за препровождение и содержание которых, как правящий должность самарского городничего, и был будущий мемуарист. Связано это с тем, что в этом году завершается празднование 200-летнего

юбилея достославной Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов российской армии, в результате которых и появились эти пленные, в том числе и в российской глубинке.

Орфография и пунктуация документа сохранены, исключение составили лишь замены букв дореформенного алфавита на современные аналоги. Даты приводятся по старому стилю¹.

«В начале 1813 и весь этот год мои хлопоты и мучительные заботы по должностям особливо по городу умножились более прежнего. Я должен был беспрестанно встречать и провожать толпы пленных французской армии разных наций: французов, немцов, поляков, италианцов и гишпанцов, которых сопровождали русские офицеры с командами ратников и регулярных солдат в Сибирь и в Оренбургскую губернию. Раненых и больных везли на подводах, а которые в силах были идти пешком, тех гнали как свиней палками. Тогда все состоянии, особливо чернь, озлоблены были до неистовства против врагов нашего отечества. Вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и анбарах. Равнодушно нельзя было смотреть на несчастные жертвы властолюбия Наполеона.

Однажды привез ко мне посланной от полковника Языкова письменное известие, что он с командою и пленными, на другой день вступит в город и просит отвести для него и офицеров его команды, равно и для рядовых квартиры, а для пленных подготовить пустые анбары или сараи. И как они будут переправляться чрез Волгу, то были бы лодки и перевозные суда, для больных же и раненых до сорока подвод. Все это было мною приготовлено, а перевозные лодки прежде еще взяты были из ближних прибрежных селений ...

На другой день по утру, поехали мы с графом Салтыковым на перевоз в двух верстах от города, встретить военно-пленных. Тогда была глубокая осень (1812 года) в конце сентября². Полковник Языков и несколько офицеров его команды были уже в городе на квартирах. Нам встречались уже перевезенных несколько пленников разных наций, и граф Салтыков говорил с ними на их природных языках: с немцами, гишпанцами, италианцами и французами; расспрашивал их о месте, где взяты они в плен. Положение их было самое ужасное: кто в силах был шли пешками, дрожали от холода, в одних мундирах своих без всякого зимнего платья, худые, изнуренные, многие падали дорогою, и тех клали на телеги. За ними тянулись на подводах больные лежащие человек по пяти на одной телеге. На перевозе в нескольких лодках приставали к берегу, так же дрожащие от стужи бледные, изнуренные, а больных вытаскивали из лодок и клали на телеги. Их стон и жалобы на бесчеловечные с ними поступки, раздирали сердце. Зрелище ужасное и оскорбительное. Мы не могли долго видеть такого бедствия несчастных и возвратились в город.

Я заехал на квартиру полковника Языкова, говорил ему, какое зрелище поразило меня несчастных пленников, и как жестоко поступают с ними, ратники его команды. Упавших от бессилия бьют палками, и медленно идущих так же погоняют палками как скотов. Он с суровостию возразил мне: «Как вам не стыдно сударь, жалеть злодеев, которые наделали столько бед нашему отечеству». Я говорил, что они столько же виноваты, как и наши солдаты, попавшие в плен. Они были злодеями тогда, когда имели ружья и дрались, а теперь обезоружены, изранены и убиты несчастием. Надобно жалеть по человечеству, а не угнетать их; но моя философия не произвела на него никакого действия, он всё говорил своё. Так и расстались мы с ним. От него приезжаю к графу Салтыкову, рассказываю о человеколюбивых суждениях г. Языкова. В ту самую минуту, против самых окон его квартиры привезли пленных больных. Две сестры Салтыкова графини Палагея и Агрофена Сергеевны просили меня проводить их к больным посмотреть и поговорить с ними. Мы вошли на двор, где снимали больных с телеги; их было пять человек, французы: верхних трех сняли, а лежащие в низу двое были уже мертвые. Графини начали говорить с живыми по-французски, но они ни чего не могли отвечать, только стонали. Хозяйка того

дома принесла им по небольшой лепешки и положила на руки; один ничего уже не мог есть, а другие двое, вместо лепешек грызли свои руки до крови; видно было, что они или очень голодны или в беспамятстве. Графини со слезами на глазах возвратились к себе на квартиру.

Я на другой день проводил их из города. Они следовали в Оренбургскую губернию. Но после узнали мы, что в верстах полтора от Самары, вся эта партия была остановлена, из Оренбурга присланы были медики для освидетельствования больных, потому что они во всех селениях, где проходили, заражали своею болезнию жителей³. Приехавший из Оренбурга в Самару Главный доктор г. Пятницкий сказывал, что болезнь была от простуды гнилая горячка⁴. Что в партии пленных было всего 1700 человек, которых послан был провожать Владимирского ополчения полковник Языков, с полным батальоном ратников, а привел в Оренбургскую губернию, где был остановлен, из 1700 пленных не более 300 человек, да и из ратников только на половину живых, прочие все зарыты в земле, по разным местам, где только они проходили⁵. Мне сказывали перевозчики, что на другом берегу Волги, когда начали перевозить к Самаре, около сорока человек пленных умерло и зарыто в песке⁶. Слышно было, что полковник Языков отдан был под военный суд за свое варварство⁷.

В сентябре месяце 1813 года прислано в город Самару на житье под мой присмотр, пленных разных наций, а более французов 16 офицеров и 42 человека рядовых. Орденом от г. губернатора предписано выдавать им на содержание: обер-офицерам по 50 коп. а нижним чинам по 5 коп. на каждый день, и сверх того провиант против солдатских дач. Причем велено смотреть за их поведением, и наблюдать, чтобы не было им чинимо ни какого притеснения⁸.

Я требовал из казначейства денег на жалование и на провиант по существующим тогда ценам для 42-х человек нижних чинов на 76 пуд 5 фунтов муки, и на 7 пуд 35 фунт. круп. Муки пуд стоил 110 коп. а крупа 160 коп. пуд. Деньги отпущены мною и выданы рядовым для покупки провианта.

Чрез два месяца после того, казначей сообщает мне, что казенная палата требовала от него ответ, для чего он по требованию моему отпускал деньги на провиант, не представляя о том на разрешение палаты? И взыскала с казначея более 20 руб. переданных будто мне за провиант, так как после сего по ценам на хлеб и крупу в других городах дешевле существующих положено генерально на провиант по 7 коп. каждому рядовому.

Тогда был не урожайный год, и хлеб продавался еще дороже в Самаре нежели мною показано. Я отвечал, что требование мое было потому, чтоб пленных не морить с голоду, ибо до разрешения палаты им нечего было есть. О чем донес и губернатору

Губернатор князь Алексей Алексеевич Долгорукой был добрый и умный человек. Он знал меня коротко и любил более, нежели других своих подкомандующих, но по тогдашнему ожесточению всех сословий против французов, имел - как и другие - политический фанатизм, и нимало не входил в бедственное положение несчастных пленников. Часто досадовал на меня за защиту их и называл меня французолюбцем.

Официальная переписка моя с ним о пленниках покажет ясно, мое беспристрастие и его не удовольствие в сем случае.

1) от 26 сентября, донесение: в ордере В[ашего]С[иятельства] написаны следующее правило: «На содержание пленных назначается в сутки ... обер-офицерам по 50 коп, нижним чинам по 5 коп. и сверх того провиант противу солдатских дач». Осмеливаюсь просить в разрешение предписания от В.С. можно ли мне будет требовать из казначейства на провиант деньги, как здесь особого магазина нет, или сию часть предоставить командиру инвалидной команды? Если ж раздача провианта будет зависеть от меня, то на вытребованные деньги, натурою ли мне покупать хлеб и раздавать им оный, или деньгами по их желанию?

Ответа не было.

2) Представляю на благорассмотрение В.С. мои замечания: все пленные и рядовые 58 человек, имеют на себе весьма худое платье, так что многие босы, нет даже рубашек, кроме ветхих мундиров, или изорванных сертуков и капотов, а шубы или тулупа нет ни у кого. Все они кроме 12 человек изранены или имеют ознобленные на руках и на ногах члены. Молодость не спасает их от болезни и страдания от наступившего холода. Из них нет ни одного лекаря, который бы мог им же способствовать от болезней; между тем как в других партиях, назначенных в Ставрополь и Сенгилей, имеется по три лекаря в каждой. Кроме сострадания по человечеству, нужно было бы и для пользы здешних жителей, чтобы они не могли заразиться от сих пленных, в случае могущих усилиться между ими болезней. И так на зимнюю одежду и обувь, надобно ассигновать особливую сумму денег. Лекарь здешний (Калиновский) по болезни его не может и жителям подать ни какой помощи, а для пленных, можно было бы взять кого из числа пленных же лекарей посланных в Ставрополь или Сенгилей, на сей предмет буду ожидать от В.С. предписания.

3) 10 октября я повторял мои два донесения, о разрешении как поступать с пленными, о зимней одежде на них и о присылке в Самару одного из пленных лекарей.

Октября 15 получено два ордера от губернатора. Первым дано знать, что об отряде в Самару одного лекаря предписано Ставрополскому городничему; а вторым в разрешение, о неимении одежды у пленных с приложением выписки из положения по сему предмету министерства полиции⁹, велено донести мне, кому из пленных потребна какая одежда, обувь и проч. Есть ли что у кого из означенных в выписке вещей, и при том уведомить о ценах на крестьянские сукна и посконный холст.

Положение для одежды пленным в зимнее время:

Шапка из простого сермяжного сукна.

Полушубок овчинный.

Кафтан сермяжный или армяк.

Штаны сермяжные.

Рубашка.

Онучи сермяжные.

Рукавицы с варьгами.

Лапти.

Штаб- и обер-офицерам давать вместо полушубков, овчинные тулупы, а вместо кафтанов сермяжные шинели; в случае ж не имения ими никакой их одежды снабжать и прочим, что выше для нижних чинов положено.

В ответ на сие донесено мною, что офицеры все 16 человек имеют нужду каждый в 1 тулупе, в 1 шапке, в 1 шинеле, в 1 панталонах и в 1 рубашке. А нижним чинам потребно каждому все описанные в положении вещи. Сукнам и холсту означены цены и посланы образцы.

Октября 19. Ордером дано знать, что из числа нижних чинов пленных в Самаре один Франсуа Пюже оказался в ранге офицера, и велено, с получения сего производить ему офицерское жалование. А 20 октября прислан из Ставрополя один из пленных лекарей Теодор Дамбарер на офицерское ж содержание.

Октября 29. Ордером от губернатора предписано, что бы по распоряжению Главнокомандующего в Петербурге, всем пленным офицерам на одежду выдать по 100 руб. на человека. О нижних чинах сказано: «Как заключать должно, что все они вследствие данных предписаний, одеты сообразно времени года, и в прибавок к содержанию своему получают еще провиант, то из числа их тем только переменять, совершенно изношенную одежду, которые за увечьем, или совершенную дряхлостью, в работу употребить себя не могут, а прочие все исправлять себе оную должны из зарабатываемой платы»¹⁰.

По сношению губернатора с казенною палатою, и по предписанию той палаты Самарский казначей выдал мне ноября 5 числа, на одежду для военнопленных офицеров только 16 человек 1600 руб., и нижних чинов 41 человека на полушубки по 7 руб. и лапти

по 15 коп. 298 руб. 15 коп., а всего 1893 руб. 15 коп.

Вот мое донесение:

«Вашему Сиятельству известно, что здесь в городе находится офицеров не 16, а 18 человек, ибо сверх прежних 16-ти один из нижних чинов Пюже поступил на офицерское содержание, а другой лекарь Дамбарер прислан из Ставрополя, почему при раздаче им денег, по необходимости нынешнего холодного времени, к их одеянию, я принужден был занять для двух офицеров 200 руб. и выдать им оные под расписки, которые при сем к В. С. препровождаю.

Относительно до рядовых, я представлял и прежде В. С-у, что из них многие босы и не имеют даже рубашек, а старые на них мундиры, или капоты состоят из ветхих лоскутьев. По списку, от меня доставленному, известно, что из сих 41 человека, только 8 человек здоровы, а прочие все изранены или обморожены. Многие ходят на костылях, а у одного, правая рука отстрелена ядром по самое плечо, почему и необходимо нужно одеть их всех сообразно времени года, по присланному от В.С. положению. А как из всех нижних чинов, ни один еще не воспользовался милостию нашего Монарха в рассуждении одежды, кроме назначенной ныне суммы на одни только полушубки и лапти, то я осмеливаюсь представить В.С. на благорассмотрение, не угодно ли будет сим пленным нижним чинам, кроме полушубков и лаптей дать и другую одежду, для зимы назначенную в положении Министерства полиции? А что именно, и чего она будет стоить, прилагаю при сем сделанную мною по существующим здесь ценам смету.

Полушубков для всех 41 человека я не мог найти здесь. Из жителей подражались шить оные, но не менее 12 руб. за каждый и то не прежде половины декабря. У одного торговца нашлось только 10 полушубков, да остаток тулупов из киргизских овчин, и я мог убедить его уступить мне, как полушубки, так и тулупы, всего 41 каждый по 8 руб. По настоящей теперь нужде я купил их и заплатил все принятые мною из казначейства деньги 293 руб. 15 коп., да сверх того в прибавок из моих собственных 34 руб. 85 коп., и роздал всем военнопленным нижним чинам, а лаптей им купить было не из чего.

Ноября 7 1813 года.

Я повторял мои представления г. губернатору ноября 21 и декабря 22 числа, и при последнем донесении приложил от пленных собственное их, к губернатору следующее письмо:

A son excellence, Monseigneur le gouverneur de Simberg.

Monseigneur,

L'état déplorable dans lequel nous sommes, nous a engagé a Vous exposer nos pressans besoins et a solliciter vos bontés.

Il y a déjà longtemps que nous sommes prisonniers? Nous n'avons plus ni vêtement, ni linge, et ne pouvons suppléer au besoin par le fruit du travail ayant la plupart les pieds et les mains gélées. Nous sommes couverts de blessures qui nous ont affaiblies et privées de nos facultés, quelques uns même ont de membres de moins.

Une partie de nous a reçu des pélasses et l'autre des demi-pélasses, mais la saison est rigoureuse, et Vôtre Excellence sait, que cette couverture est insuffisante.

Nous faisons donc des vœux pour qu'elle daigne se disposer favorablement pour nous et pour qu'elle ordonne qu'il y soit ajouté quelque chose. Nous vous supplions, Monseigneur, de fixer un instant vôtre attentions sur nous et d'accueillir nôtre prière avec cette bonté qui Vous caractérise.

Nous sommes avec le plus profond respect.

Подписали:

Nebert (fourrier), Martin, (Capo), Marcuna, Boivot, Renard, Tessier, Chevallier, Ouchat, Charle¹¹.

Наконец возвратили мой долг, и прислано повеление выдать по моему назначению из казначейства деньги на одежду.

Генваря 25 1814 года прислано еще в Самару под мой надзор с подпорутчиком Веревкиным, военно-пленных нижних чинов 60 человек.

Всего составилось офицеров 18, нижних чинов 101, ито[го] 119 человек.

Вот имена офицеров:

Капитаны:

Александр Тевьнен, кавалер Почетного легиона, 23 лет Пьер Бюртень, 23 Клод Жозеф Льенар, 42 Лейтенанты:

Андре Париже, 40

Жан Жушу, кавалер Почетного легиона, 40 Луи Мари Короллер, 26

Франсуа Сермон, кавалер Почетного легиона, 26 Этьень Доманжи, 27 Под Лейтенанты:

Этьень Горс, 22

Шарль Надо, 21

Пьер Жотар, 33

Морис Арди (Hardi), 25

Жан Бенуа Летаньян, 26

Пьер дю Боа, кавалер Почетного легиона, 34

Албен План, 25

Констан Берг, 37

Теодор Домбарер, лекарь, 30

Франсуа Пюже, officier de Sentй 25¹².

Кроме ежедневного надзора приставленных мною одного унтер-офицера и двух солдат, по квартирам всех пленных, я сам часто посещал квартиры офицеров, а иногда и нижних чинов, но каждое воскресенье приводили всех их ко мне, и пред окошками моего дома выстроенных в одну линию, сам я перекликал их по спискам. Как обращались жители с сими несчастными пленниками, можно видеть из моих донесений к губернатору.

В марте месяце 1814 года получаю я от губернатора следующий ордер:

«До сведения моего доходит, что посланные под надзор ваш военнопленные ведут себя не сообразно правил, предписанных об них министерством полиции, то есть чтоб они были тихи и послушны; почему и поставил я себе обязанностью предварить вас, чтобы вы имели над ними такой присмотр, который бы удерживал их от всяких своевольных поступков. В противном же случае, ежели бы произошла от них какая не приятность от слабого надзора {чего однако ж я не надеюсь}, то оная останется на ответе вашем».

Мое донесение на сей ордер:

«На ордер В.С. честь имею донести, что сверх собственного моего попечения о наблюдении за поведением военно-пленных, равно и в неозлоблении их здешними жителями, приставлены от меня вытребованные от инвалидного начальника унтер-офицер и два солдата, которые ежедневно осматривают их в квартирах и доносят мне о их состоянии и поступках. Офицерские ж квартиры нередко и сам я посещаю; но с самого начала нахождения их в городе, не мог я заметить вообще никакого своевольства от них. Во все сие время один только рядовой за грубость хозяину наказан был мною тюремным содержанием. Впрочем все они, как офицеры, так и нижние чины ведут себя наилучшим образом, среди людей естественно чувствующих к ним как ко врагам и иностранцам ненависть. И тем похвальнее, что во все время нахождения их здесь, ни один пленный никогда и ни кем не был замечен в пьянстве, и даже в начатии ссоры, не смотря на то, что ежедневно озлобляются они жителями названием собак, свиней и выдуманым чрез какого-то целовальника словом: Париж пардон. Не было прохода ни одному французу по улице, чтоб его толпы ребят и даже взрослых и старых людей не дразнили, как собаку, не смотря

на запрещение от меня чрез полицейских служителей и солдат к ним приставленных. Дабы не случилось важнейшей между их ссоры и драки, я принужден был некоторых буянов брать под караул, и тем несколько уменьшил озлобление пленных¹³, однако ж и поныне еще сие продолжается, так как недавно случилось, что четверо пьяных людей избили одного француза жестоко, и почти всегда от пленных и от приставленных к ним солдат, доходят ко мне жалобы на сии озлобления, и на разные притеснения их от хозяев квартир, и по разбирательству, я всегда находил не виновными пленных. Осмеливаюсь просить В.С. предписать здешнему магистрату и думе, чтоб они подтвердили гражданам своего ведомства, не озлоблять военно-пленных французов, для избежания ссоры и драки, ибо многие из порядочных граждан, по невежеству своему одобряют такие не пристойные поступки с пленными, и не довольны моим защищением их. Ежели и дошли до сведения В.С. о своевольстве пленных какие слухи, то не иначе можно почитать как клевету от подобных сему невежд.

Какой же ответ получил я на сие донесение? Он удивил меня и опечалил:

«На рапорт ваш за №373. Сим даю знать, что я не нахожу ни мало со стороны жителей для военно-пленных озлоблений, ежели они говорят им, что Париж пардон, и сии слова ходить им по улицам преграды делать не могут; тем более сие подтверждается, если французы так добронравны, как вы их описываете».

Марта 1814 года.

После этого офицеры и рядовые французы чаще жаловались мне, что жители всегда их обижают. Во время прохода по улице встречаются кто из них, то дразнят их крича: собака, Париж пардон, и хотя они никому не отвечают ни слова, как от меня приказано, но многие, будучи недовольны тем, что не могут раздражить, и видя их молчание, бросаются на них с ругательством бить, толкают в снег, бросают мерзлую грязью и проч... За всеми мерами, какие принимал я к удержанию буйства и злобы противу пленных, боялся, чтоб не вышло смерто-убийства. Но делать было нечего.

Марта 25 1814 года г. губернатор ордером уведомил меня, «что находящиеся в г. Курмыше пленные во время масленицы делали многие буйствы: избили ямщиков и десятских, и хотя тамошний городничий старался их переловить, но они разбежались и пойманы только 8 человек, кои преданы законному суждению. О происшествии сем уведомлял я управляющего министерством полиции г. Главногокомандующего в Петербурге, который ныне предписывает, чтоб тех, кои пойманы, судить по законам, а прочих отослать всех в Сибирь в город Иркутск¹⁴. О чем я нужным счел поручить вам объявить военно-пленным, во вверенном вам городе находящимся, внушив чтоб они вели себя добропорядочно, в противном же случае, за подобные буйства будут сосланы в Сибирь»¹⁵.

Вот плоды потворства и невнимания к озлоблению пленных! Вероятно, в Курмыше жители поступали, так же как и в Самаре. Но городничий и полиция смотрели на это равнодушно, а может быть и сами поощряли.

В начале апреля у меня случилась неприятность с одним офицером. Вот мое донесение о том к губернатору.

В сходство предписания ко мне от В.С. о наблюдении над поступками находящихся здесь военно-пленных французов, открыл я недавно дурное поведение одного из числа офицеров 4-го линейного полка капитана Тевенена, который будучи 23 лет от роду, имеет столь худую нравственность, и неукротимую дерзость, что, не смотря на мои запрещения и выговоры ему, заставил меня представить к В.С. о всех его поступках.

С начала прибытия их сюда в Самару, он довольно хорошо вел себя, и вместе с некоторыми имел вход в три благородные дома, где замечено было его невежество и дерзость. Узнавши о сем, я запретил ему вход во все благородные дома. Потом он, гордясь своим чином и орденом, вздумал оказывать свою власть над всеми пленными офицерами и солдатами: с начала избил он одного пленного солдата за то, что он не оказал ему должного уважения, и по жалобе солдата я сделал ему строгий выговор, и внушил, что он, будучи

равен со всеми пленными, не осмеливался бы ни над кем брать преимущества, не управлялся бы сам, а жаловался мне.

Живши вместе с одним гвардейским офицером Сермоном, и будучи ему другом, из зависти к нему, что он, имея лучшую нравственность и воспитание, нежели Тевенен, принимается от всех лучше его. Рассорился с ним и вздумал выдавать его за унтер-офицера гвардейского, а не за офицера. И на сей неделе в присутствии моем, в городническом правлении, где все офицеры собираются по понедельникам для получения жалования, осмелился повелительным тоном приказывать ему, чтоб он отнес ему на квартиру деньги, назвав его: *bas-officier* [унтер-офицер]. По жалобе Сермона, я спрашивал всех офицеров, подтвердят ли они доказательство Тевенена, что Сермон не офицер? Все они не только оправдали Сермона в его звании и в поведении, но дали мне на бумаге удостоверение о том, а на Тевенена лично приводили в доказательство многие его дерзкие поступки с ними и злобу против Сермона; уличали его во многих дерзких поступках еще в то время, когда он везен был с ними от Вильны, за которые едва все они не пострадали. Тевенен, кроме словестного доказательства, что будто Сермон ему сказывал, ничего представить не мог. Прежде сего он так же в городническом правлении, начал ссору с капитаном Льенаром, и тогда же удержан мной и получил выговор. Прочие офицеры жалуются на него за дурной его нрав, что он всегда заводит с ними ссоры. Я принужден был при собрании всех офицеров, представить ему все его дурные поступки, и в наказание за то отделить его на жительство одного в Татарскую слободу, где так же Тевенен вместо раскаяния угрожает всем офицерам каким-то мщением. Почему они просили меня, чтобы Тевенена перевести куда-нибудь в другой город, опасаясь дабы чрез него, по беспокойному и неукротимому его нраву, не подвергнуться всем им какому несчастию, как им объявлено от меня было о происшествии в Курмыше, и представили о том для доставления к В.С. их просьбу, которую, как равно и подлинное свидетельство о Сермоне, при сем к В.С. посылаю и при том смею удостоверить В.С. о всех прочих офицерах, что они ведут себя самым тихим и пристойным образом.

Апреля 3. 1814 год.

На том же донесении приписано:

P.S. При отправлении сего донесения, капитан Тевенен принес ко мне от себя письмо и просил отправить его к В.С. и притом со слезами раскаивался во всех поступках, которыми он по молодости своей, но без намерения, мог огорчить многих, обещаясь исправить свой нрав и поступки противу всех, и просил пощады в его несчастии от дальнейших наказаний, кроме перемещения его в другое место здешней губернии. Письмо прилагаю при сем.

Просьба от офицеров и свидетельство Сермону, что он точно подпоручик гвардейской артиллерии - *Sous Lieutenant du train d'Artillerie de la Garde impérial*, и прекрасного поведения. О чем ссылаются на *de Chambray, capitaine d'artillerie a cheval de la Garde* в Чернигове, на *Marbu, lieutenant colonel* в Тамбове и на *Chicot, adjudant major, Berthelot, et Duparc officiers de la Garde* в Симбирске.

Подписали: *Lienard, Dembarrere, Lemagnan, Pariset, Nadau, Domengie, Jouchou, Dubois, Plane, Hardy, Burtin, Bergue, Puget, Corollaire*¹⁶.

Апреля 16 получил я следующий ответ на мое донесение:

«На рапорт ваш от 3 апреля, о дурном поведении и разных дерзких поступках военно-пленного француза Тевенена, на которого приносят жалобу пленные, находящиеся в Самаре, равно как и вы, предписываю вам, за таковые поступки посадить его под караул и из-под одного до моего разрешения не выпускать.

При сем не могу не присовокупить моего удивления, что французы так худо оправдывают вашу рекомендацию, прежде вами мне обо всех их сделанную, и что как я с прискорбием замечаю из рапорта вашего: благородные русские могут водить компанию с врагами их отечества! Желал бы, что бы каждый остался при тех чувствованиях, что не к

бессильному уже неприятелю, должно иметь одно только сострадание и не вредить ему; но отнюдь не водить компании, а тем паче еще иметь короткое общение; ибо сии две вещи весьма различны, и каждый истинный сын отечества увидит, что первая из них похвальна, а последняя предосудительна и марает честь россиянина. И так из сего следует, что я, к сожалению моему, должен напомнить вам в отношении к пленным наблюдать строго свои обязанности, а так же внушить благими советами и всем жителям города об оном».

Князь Алексей Долгорукий.

По предписанию Вашего Сиятельства я сообщил инвалидному офицеру, чтоб он пленного капитана Тевенена, взяв с квартиры его из Татарской слободы, посадил под караул впредь до разрешения от В.С.

Что принадлежит до наблюдения мне в отношении к пленным, то с моей стороны сие предписание В.С. строго выполняться будет, равно и всем жителям будет внушено, чтобы с ними никаких компаний не водить; и притом осмеливаюсь донести В.С., что, ежели из них человек пять офицеров и имели прежде вход в некоторые благородные дома, то принимались они совсем не для компании, а действительно из одного сострадания только по человечеству, и даже многие из них по бедности как несчастные награждаемы были бельем или подобными сему вещами; короткого ж обращения никто с ними иметь не может, по тому более, что они не знают русского языка, а на их языке здесь не более трех человек могут с ними объясняться. В прочем я и теперь осмеливаюсь удостоверить В.С., что, судя по количеству пленных французов и по времени проживания их здесь, они вообще ведут себя хорошо, ибо ни на кого из них от жителей жалобы ко мне не доходило; но, конечно, из числа 119 человек, могут быть и негодяи, из коих замечено мною в дурных поступках не более шести человек, которые по наказании их за то, все уже весьма исправились. После сего остается мне сожалеть, если случится вперед от них какая неприятность, которой я не могу предвидеть за всеми моими стараниями.

Апреля 22. Еще получено мною от губернатора следующее предписание:

«До сведения моего доходит что военнопленные, на жительство по городам разосланные, делают разные не позволенные поступки и буйства, за что уже, как известно, бывшие в Курмыше и отосланы в Сибирь, да и ныне открывается в Ставрополе происшествие, требующее обращения на поведение их особенного и ближайшего внимания¹⁷, то, дабы прекратить буйства их и отвратить чрез то вред, могущий случиться жителям, я признал нужным строго подтвердить всем гг. городничим, чтоб они имели за ними самый бдительный надзор, внушая им что за худое дело одного, по распоряжению г. Главнокомандующего в Петербурге ответственность они будут все. Сверх того, особенно наблюдать, дабы они по наступающему летнему времени не могли делать побегов и наносить какого либо вреда, для чего гг. городничие не оставят распорядиться так, чтобы перекликать их почаще по списку и подтверждать жителям, у кого расставлены они на квартиры, что ежели будут приходиться они поздно, или надолго куда отлучаться, в таком случае давать знать для удержания; а чтоб они по ночам всегда были в квартирах, и приходили на оные по окончании дневной работы за светло. Я уверен, что гг. городничие употребят к сему с своей стороны должную деятельность и благоразумными советами не допустят жителей, как то в некоторых городах случилось до фамилярного с ними общения, ибо сострадать и быть доброхотну есть совсем не то, что водить с врагами отечества компанию, а чтоб дать более способа гг. городничим для надзора за ними, то могут они поручить их в послушание тех хозяев, дома у коих они квартируют».

Князь А. Долгорукий¹⁸.

В каком я был положении от забот, трудов и беспокойства, в это несчастное для меня время, исправления городнической должности, и по уездному суду, можно видеть из письма моего к г. губернатору:

Милостивый государь, князь Алексей Алексеевич!

Я осмеливаюсь еще представить Вашему Сиятельству о моем положении в

рассуждении исправляемых мною должностей.

В уездном суде секретарь три недели уже болен и не ходит в суд, канцелярские служители пьянствуют; теперь совершенно там все дела запущены.

В городническом правлении один из прежних канцелярских служителей отставлен от службы, другой имеет периодическую болезнь - пить запоем, чрез неделю, а новый, присланный на место отставленного, только явился, и был при должности не более трех дней, и с тех пор по ныне проводит время в бесчувственном пьянстве. Все средства, употребленные мною к воздержанию их, были бесполезны. Сверх того, я принужден ежедневно бороться с невежеством и своевољством здешних жителей: беспрестанная потрава сена, пускаемых в луга скотов без пастуха, беспрестанные о том жалобы и ссоры между жителями, озорничества, даже воровство и самоуправство совершенно меня замучили. Я не имею времени не только производить о том дела, но и выполнять настоящей по полиции должности, следовательно, все таковые ссоры решатся словесно.

Ненависть к живущим здесь пленным французам, так же всякий день заставляет меня разбирать их жалобы на хозяев. Пленные расставлены по квартирам, на каждой по два человека. Офицеры в особых комнатах, а рядовые вместе с хозяевами. Многие из хозяев, коим даны билеты на постой, в особых своих покоях испортили печи, или выставили окна, чтобы сделать не способными для зимнего постоя, а если у которых и остались целы, то не дают дров для топления. Разными средствами я мог привести в порядок сие непослушание, но пленные солдаты ежедневно жалуются на хозяев, которые не только не дают им посуды и воды, но даже сена или соломы для спанья ночью по не имению у них одежды, ругают их собаками и проч... Многие хозяева лично мне оправдывались, что французы опоганят у них посуду, ибо они едят зайцов и никогда не крестятся, не смотря на то, что все вообще пленные, самого тихого и доброго поведения. Магистратские члены, будучи одного мнения и характера с жителями, поощряют их к тому.

Я не говорю о других неудобствах в рассуждении недостатка письмоводителей. Всегда принужден бываю писать сам не только черновые бумаги, но и переписывать их на бело, не говорю и о том, сколько я утратил здоровья, в течении мучительного времени моего городничества, скажу только, что я не редко бываю болен. Одна мысль убивает меня, что все беспорядки, какие вижу и не имею средств исправить, могут навлечь, кроме собственного моего нещастия, важнейший вред государственной службе.

При отправлении сей почты я действительно остаю болен и поручил квартальному исправлять мою должность.

Именем человечества умоляю Ваше Сиятельство облехчить мое страдание, снятием с меня которой-нибудь должности, или определением мне надежного помощника. В прочем я готов ко всякой обязанности, к какой угодно будет начальству определить меня, лишь бы сия обязанность соответствовала людским силам. Надеюсь на человеколюбивые чувствования В.С. и милостивое внимание обо мне и проч.

Месяца за три до сего определен ко мне квартальным надзирателем порутчик Никифор Матвеевич Елузин, человек безграмотный и немножко глуповат, но трезвый, тихий и послушный.

Июня 3 числа 1814 года получил я повеление отправить всех пленных, для возвращения их в отечество: французов в Симбирск, а итальянцев в Карсун, к отсылке первых в Белосток, а других в Радзивилов¹⁹.

Я собрал всех пленных офицеров и нижних чинов, объявил им милость нашего Государя и велел готовиться к походу. Надобно было видеть и чувствовать, бывши на их месте. Как они были рады, что увидят свою родину; многие плакали от радости. Я вытребовал от инвалидного начальника унтер-офицера и нескольких рядовых для сопровождения их до Симбирска, приготовил списки французам и итальянцам, маршрут и проч. и назначил отправить их 7 числа в путь.

7 июня 1814 года было воскресенье, в полдни собралось ко мне много из здешних

господ дворян и чиновников с тем, чтобы ехать вместе в Дуброву, так называется на берегу Волги место гуляния здешних жителей, куда собирается большая часть жителей по воскресеньям гулять, и привозят с собою чайники, самовары и разные закуски. Тут же в двух верстах от города находится и перевоз через Волгу. Мы поехали туда. Барыни взяли с собой приготовленные для закуски пироги, жаркое и проч. Туда же привели и всех пленных. На поляне близ берега между кустов расставили столики, и разослали ковры на траве, и разложили завтрак для отправляющихся в путь гостей. День был прекрасный и тихий. Нижние чины были выстроены в линию на самом берегу близ перевозных лодок, а офицеры приглашены были в наш кружок, на возвышении. Поверенный питейных сборов привез солдатам несколько ведер вина и сотни две калачей. Офицеров потчивали мы. Только Тевенен с своим однополчанином Горсом, гневаясь на других, не подходил к нам, а прогуливался в стороне. Я послал сказать солдатам, чтоб они пили за здоровье нашего Государя. Им поднесли по стакану вина, и вдруг увидели мы бросаемые вверх шапки, и услышали крик несколько раз повторяемый *Vive l'empereur! Vive l'empereur!* Мне шепнула Анна Ефимовна, что некоторые кричат *Vive les empereurs!* Но я не заметил. Офицеры довольны были нашим угощением, благодарили нас и распрощались. Посадили их в несколько лодок, и лишь отстали от берега, как на всех лодках полетели опять шапки вверх и раздались крики несколько раз повторяемые: *Vive le commandant de Samara!*»²⁰.

FROM THE MEMOIRS BY I.V. VTOROV: FRENCH WAR PRISONERS IN 1812-1814

© 2014 A.I. Popov¹, S.N. Khomchenko²

¹ Volga Branch of the Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Samara

² State Borodino War-Historical Museum-Reserve

The authors for many years study the fates of the militaries from Napoleon's Great Army who had become Russian prisoners in 1812 and spent about 18 months in the inner provinces of Russia, and, among them, in Samara. The publishing memoirs by Samara district judge I.A. Vtorov shed light on the conditions of detention of war prisoners, on their relations with the officials and with the representatives of different estates of Russian society. The publication is provided with detailed comments.

Keywords: Patriotic war of 1812, war prisoners from the Great Army, memoirs, acting chief of town administration I.A. Vtorov.

Andrey Popov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher.

Sergey Khomchenko, Candidate of History, Senior Researcher.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Моя записная книжка с 1801 года. Воспоминания Второва И.А. // Российский Государственный архив литературы и искусства (далее - РГАЛИ). Ф.93. Оп.1. Д.24. Л.259 об.-277 об. В Петербурге имеется копия: Второв И.А. Выписки из дневника за 1812-1814 гг. Машинописная копия от 13 февраля 1934 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее - ОР РНБ) . Ф.163. №6. Л.1-6.

² Партия военнопленных под командой подполковника Владимирского ополчения Языкова

после ухода из Самары вступила в Оренбургскую губернию 20 октября 1812 г. (Государственный архив Оренбургской области (далее - ГАОО). Ф.6. Оп.3. Д.3673. Л.109). Таким образом, в Самаре эта партия находилась в конце 10-х чисел октября.

³ Так, например, с октября 1812 г. до весны 1813 г. Симбирской губернии Усольской вотчины графов Орловых-Давыдовых в «разных селениях, от проходящих французских партий зараженных», многие крестьяне болели «обыкновенной горячкой неприлипчивой», от которой умерло до 30 человек (Государственный архив Ульяновской области (далее - ГАУО). Ф.147. Оп.14. Д.91).

⁴ По донесению оренбургского дивизионного доктора Пятницкого, эта болезнь «есть простудного свойства ... Таковые и подобные лихорадки сами по себе не принадлежат к числу повальных и прилипчивых болезней, но при содействии ... посторонних и вредных влияний могут воспринять и таковые повальные свойства». Главными причинами возникновения болезни и последующей высокой смертности Пятницкий посчитал недостаток теплого одеяния у пленных и хорошего содержания заболевших (ГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.3673. Л.365-367об.).

⁵ 25 августа 1812 г. из Москвы выступила партия военнопленных в составе 14 обер-офицеров, 919 нижних чинов и 4 дезертиров. К моменту выхода из Владимира, где в сентябре руководство пленными принял подполковник Языков с неизвестным числом ратников ополчения, партия сократилась до 12 обер-офицеров, 848 нижних чинов и 4 дезертиров. В октябре Языков прибыл в Симбирск, имея с собой военнопленных 12 обер-офицеров, 609 нижних чинов, 4 дезертиров, конвойных 8 обер-офицеров, 34 урядника, 603 рядовых. 26 октября Языков прибыл в Бузулук, уездный город Оренбургской губернии, и на следующий день отрапортовал о прибытии с 12 офицерами, 439 нижними чинами и 4 дезертирами. В течение последующих трех дней из пленных умерло еще 25 чел. Таким образом, потери этой партии по пути из Владимира в Бузулук, с учетом вскоре умерших, составили 434 чел., то есть 54%. Из вышедших из Симбирска конвойных до Бузулука не добрались 1 урядник и 89 ратников (ГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.3673. Л.9, 67об, 93, 95, 109, 200-202об, 221). Число в 1700 пленных взялось, вероятно, из расчета, что в октябре 1812 г. через Симбирскую губернию в Оренбургскую прошли 4 партии военнопленных, насчитывавшие сопоставимое количество человек. Но лишь партия Языкова понесла такие катастрофические потери, в остальных они составляли от 5 до 15%. Названные преувеличенные числа умерших пленных и ратников являются, по-видимому, следствием распространения слухов.

⁶ По сведениям Оренбургского военного губернатора князя Г. С. Волконского, при переправе через Волгу у Самары из пленных умерло около 20 чел. (ГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.3673. Л.66, 276-277). Об этом числе знал и сам Второв, поэтому преувеличение количества умерших опять-таки можно списать на слухи.

⁷ Следствие над подполковником Языковым действительно состоялось в декабре 1812 г. по отношению Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова в Военное министерство, однако его результаты пока нами не установлены (Российский Государственный Военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф.1. Оп.4. Т.2. Л.13об).

⁸ Основные правила содержания военнопленных содержались в циркулярном предписании Вязмитинова от 29 августа 1812 г. (Российский Государственный Исторический архив (далее - РГИА). Ф.1286. Оп.2. Д.319. Л.3; РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.2653. Л.26). В числе прочего, заболевших в пути пленным предписывалось оставлять в госпиталях и лазаретах до их выздоровления. Поэтому высокое число потерь в партии Языкова можно объяснить в первую очередь несоблюдением начальником инструкции о сопровождении пленных.

⁹ В названном выше циркуляре от 29 августа, дополненном распоряжением Вязмитинова от 19 ноября 1812 г., предписывалось снабжать пленных одеждой и обувью согласно составленному положению: пленные нижние чины должны были получать в зимнее время

обыкновенные крестьянские шапку, полушубок, кафтан, хотя бы и не новые, но годные к носке, а также штаны, рубашку, онучи, рукавицы с варежками и лапти, при этом офицеры, не имевшие одежды, снабжались наравне с нижними чинами, но вместо полушубков и кафтанов им рекомендовалось выдавать тулупы и шинели (РГИА. Ф.1286. Оп.2. Д.319. Л.6, 8, 9).

¹⁰ Распоряжение Вязмитинова от 2 октября 1813 г. (*Бессонов В.А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812-1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М. 2005. С.65-66).

¹¹ Его высокопревосходительству, господину Симбирскому губернатору.

Монсиньор,

Плачевное состояние, в котором мы находимся, вынуждает нас изложить Вам наши неотложные нужды и просить у Вас одолжения.

Мы уже давно являемся пленными. Мы не имеем ни одежды, ни белья, и не можем их заменить, поскольку не можем заработать, имея большей частью руки и ноги обмороженными. Мы покрыты ранами, которые ослабили нас и лишили нас возможностей, некоторые из нас лишились конечностей. Часть из нас получила шубы, а другие - полушубки, но время года суровое, и Ваше Сиятельство знаете, что этого покрывала недостаточно.

Мы выражаем пожелание, чтобы Вы благосклонно сообразовали распорядиться о нас, и чтобы Вы приказали, чтобы нам прибавили несколько вещей. Мы Вас умоляем, монсиньор, остановить на мгновение своё внимание на нас и принять наши просьбы с добротой, которая Вам присуща.

Имеем быть с самым глубоким почтением

Небер (фурьер), Мартен, Маркуна, Букаво, Ренар, Тессье, Шевалье, Уша, Шарль.

¹² Из упомянутых офицеров удалось идентифицировать следующих: лейтенант Ф. Сермон из гвардейского артиллерийского обоза, су-лейтенанты К. Берг из 25-го линейного и Ш. Надо из 111-го линейного полков (все они в феврале 1813 г. находились в Вильно). Из 4-го линейного полка су-лейтенант Э. Горс и капитан А. Тевнен (Tévenin), который был ранен и взят в плен 13 декабря на горе возле Ковно (Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805-1815). Paris, 1899. P.126).

¹³ Вот анекдот с самим мной случившийся: в последние дни масленицы, во время катания, расставил я в разных местах по улицам пеших казаков, и строго приказал им смотреть, унимать и даже брать под караул тех, кто будет дразнить французов и ругать их. Вечером пошел я один на большую улицу. На мне был байковый капот. Доходя до одного места, где стоял караульный казак, слышу: «Собака француз! Париж пардон». Подхожу ближе, казак идет прямо ко мне с кулаками, и продолжает ругать свиньей и собакою; но, узнав меня, скинул шапку и вытянулся. «Так-то ты исполняешь приказание?», - говорю ему. «Виноват, Ваше благ. Я думал это француз» (*Прим. И.А. Второва*).

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф.1165. Оп.1. Д.579. №1130, 3541.

¹⁵ Циркуляр Вязмитинова от 6 мая 1813 г. о суждении военнопленных, совершивших преступления, согласно российскому законодательству (*Бессонов.* Указ. соч. С.66).

¹⁶ Подписали: Льенар, Дамбарер, Леманьян, Паризе, Надо, Доманье, Жушу, Дюбуа, План, Арди, Бюртэн, Берг, Пюже, Короллэр. В письме упомянуты Жорж де Шамбрэ (24.10.1783-7.1.1848), капитан гвардейской конной артиллерии, взятый в плен в декабре; он является автором одного из первых исследований о русской кампании Наполеона. Клод Мабрю (род. 21.3.1778), шеф батальона, командир 3-й роты гвардейской пешей артиллерии, ранен и взят в плен 13 декабря у Ковно, на тот момент он был командующим артиллерией 11-й пехотной дивизии 3-го корпуса (Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. Тамбов, 1914. С.107). При этом капитаны Шамбрэ и Бертелло и су-лейтенант итальянской гвардии Дюпарк в январе 1813 г.

находились в Вильно.

¹⁷ В Ставрополе вот что случилось: один приказной из господских отпущенников, богатый невежда Ш... из зависти, что находящихся там пленных офицеров принимают лучше нежели его, ненавидел французов и старался всеми способами вредить им, особенно узнавши, что из Курмыша за буйство нескольких сослал в Сибирь всех, он зазвал к себе градского голову М., напоил его до бесчувствия, и уже смерклось, как послал проводить его до дому, подкупленного им инвалидного солдата, научив его что делать. Солдат вел его под руку и, проходя по улице, увидел пленного солдата, которого хозяин выслал закрыть ставни у окошек. В это время провожавший пьяного голову инвалидный солдат кольнул пьяного ножом в задницу, пропорол платье и сделал лехкую рану на теле, а сам закричал: караул! Сбежалось несколько людей, он указал на пленного, что он хотел заколоть голову. Его схватили и отвели в тюрьму. Началось следствие, тут нашлись и свидетели подкупленные Ш...м; сколько не оправдывался посредством плохого переводчика пленный, хозяин показал, что он точно послал его закрыть ставни, но не видал и не знает, что он сделал. И по такой нелепице суд приговорил его высечь кнутом и сослать на каторгу. Бедный француз, закованный в кандалы, более полугода страдал в тюрьме. Дело послано было на ревизию в Уголовную палату. Вероятно и там бы г. Кисловский утвердил решение Ставропольского суда; но добрый почтенный капитан Карл Иванович Якобий по человечеству вступился за него; дело рассмотрели и нашли француза невинным. Он назывался Бенуа и по выпуске жил у г. Якобия. Между тем как все пленные давно уже были отправлены в свое отечество (*Прим. ИА.Второва*).

¹⁸ ГАРФ. Ф.1165. Оп.1. Д.579. №2788. Пленный итальянский лейтенант Ф. Баджи, находившийся в это время в Ставрополе, в мемуарах сообщил свою версию этого происшествия. Местный чиновник Sirciff (т.к. Второв назвал первую букву фамилии, её можно прочесть как Ширков) был одним из самых богатых горожан, но, когда он попросил руки одной из дочерей дворянской семьи Мильковичей, ему было отказано из-за низкого происхождения. Кроме того, Ширков завидовал пленным офицерам, которых хорошо принимали у Мильковичей, и решил отомстить разом и тем, и другим. Однажды апрельским вечером слуга Ширкова нанес удар ножом местному жителю, обвинив в этом одного француза. Городничий собрал пленных офицеров и объявил им приказ Военного министра об отправке виновных в преступлениях в Сибирь. Пока же он запретил пленным выходить на улицу в ночное время и посещать собрания. Однако вскоре этот запрет был отменен, так как местные дворяне начали жаловаться на отсутствие иностранных офицеров (*Memorie di Francesco Baggi. Bologna. 1898. P.194-196*).

¹⁹ Предписание Вязмитинова от 13 мая 1814 г. об освобождении «всех без изъятия» военнопленных.

²⁰ «Да здравствует император! Да здравствует император! ... Да здравствуют императоры! ... Да здравствует комендант Самары!».